

Хвесько Т.В., г. Тюмень

ЭТНОИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЗАУРАЛЬЯ

Цель статьи – показать этнолингвистические особенности, а также общие хронологические закономерности формирования ономастической системы Зауралья. Наиболее устойчивые названия как реликты древних исчезнувших языков привлекают внимание этнолингвистов, решающих проблемы этногенеза и этнической истории. Наибольшей стабильностью, как правило, характеризуются наименования относительно крупных и социально значимых объектов – рек, озер, гор, крупных населенных пунктов, которые используются в качестве широко известного адресата и должны быть консервативны, иначе выполнение адресного предназначения окажется невозможным.

Анализ хронологической ранней топонимии наталкивается зачастую на непреодолимые препятствия. Учет всех возможных факторов, влиявших в течение столетий и даже тысячелетий, в том числе возможное неоднократное заимствование, сопровождающееся закономерными морфонетическими изменениями и фактами народной этимологии, чрезвычайно сложен [Фролов 1996: 113]. Однако в обилии топонимического материала практически всегда можно найти подтверждение каких-то языковых и праязыковых морфонетических закономерностей формирования ономастической системы. Этимология отдельного топонима должна опираться на анализ обширного материала, который позволит выявить набор универсальных признаков, увеличивающих этноисторическую достоверность топонимических изысканий. В распоряжении топонимоведов не так уж часто имеются собственно языковые критерии типа падения редуцированных в древнерусском языке или великий сдвиг гласных в германских языках, поэтому топонимия часто вынуждена обращаться к внеязыковым критериям, связанным с

объектом называния: формирование ареалов археологических структур, климатические изменения и т.д. С другой стороны, по мере углубления ономастических исследований становится ясно, что топонимия является элементом системы, предполагающей образование географических названий по моделям в хронологической последовательности. Определенные топонимные модели продуктивны некоторое время, и это дает исходную возможность поиска хронологических рамок бытования той или иной топонимной модели. Чрезвычайно ценным в связи с возможностью функционирования топонима даже после утраты создавшего его языка является то, что в топонимических системах в условиях межязыкового контактирования, присутствуют топонимы иноязычного происхождения, которые являются одним из наиболее существенных источников для решения этногенетических проблем. В индоевропеистике традиция была заложена в прошлом веке Г. Краэ и В.П. Шмидтом, которые на основе этимологической интерпретации европейской гидронимии выработали новую концепцию прародины индоевропейцев и взаимодействия индоевропейских этносов на территории Европы. В финно-угроведении одними из первых были Шегрен, Кастрен и Европеус, которые разрабатывали теорию финноязычного происхождения верхнего дославянского слоя топонимии Европейского севера, объясняли истоки загадочной топонимии Финляндии из угорских языков.

Современное исследование выработало целый ряд методов анализа субстратной топонимии, обеспечивающих большую надежность этимологической интерпретации, а также осознано необходимость выявления принципов усвоения иноязычной топонимии топонимической системой – преемником. Без этих систематизирующих знаний этимологическое исследование лишается необходимого каркаса в виде закономерностей языкового взаимодействия контактирующих топонимических систем. Названия видов населенных пунктов могут косвенно указывать на этническое своеобразие местного населения, хотя топонимы такого рода не являются надежными маркерами, указывающими на древнее население, они помогают сузить круг поисков.

Косвенными этническими индикаторами нередко являются наименования, которые так или иначе могут указывать на существование в прошлом языческих представлений: *урочища Богова Гора, Лолкерос (гора духов), Тормопех (божья река) в хант. языке*, но подобные факты сложно отделять как от различных образных наименований, так и от официальной и народной христианской терминологии. Ценность топонимии как этноисторического источника вытекает из того, что топоним при возникновении мотивирован, а слово, оказавшееся в основе названия, отражает определенный признак, качество названного объекта. И хотя в ряде случаев мотивы называния (даже при ясной этимологии) остаются затемненными, содержание топоосновы является существенным источником этнолингвистической и исторической информации.

Историчность топонима связана с тем, что идентификация признака, отраженного в названии, определяется уровнем общественно-исторического развития того коллектива, который создает топонимическую систему. При кажущемся разнообразии топонимов на самом деле набор моделей достаточно ограничен. Выявляется множество повторяющихся топонимов: чем шире территориальные границы привлекаемого материала, тем больше повторений. В условиях единой культуры, сходных географических условий представления людей об окружающем мире в основных, определяющих чертах аналогичны. Создается психологическая предпосылка для выбора одного и того же признака географического объекта в качестве мотива номинации на разных территориях. Названия, данные народом, находившемся в момент номинации на более низком уровне общественных отношений, нередко нагляднее и образнее, а топонимы указывающие на события, связаны в большей степени с кочевым бытом, чем с земледельческим [Матвеев 1997: 332]. Становление частнособственнических отношений повлекло за собой появление наименований с указанием имени владельца или его социального положения. Первый этап появления топонимов именуется «прагматическим», т.к. топонимия достаточно

последовательно отражает то, что целесообразно с точки зрения хозяйственного назначения. Основа номинации – географическая реалья как объект хозяйственного использования. В соответствии с этим объекты ландшафта получают названия, не существует безымянных рек, озёр, водоемов: даже те, которые располагались в глубинах лесов, далеко от поселений, были функциональны в качестве водных путей. В то же время огромные лесные массивы не имеют особых названий: очевидно, нужды населения обеспечивались лесами, прилегающими к поселению. К тому же леса, находившиеся во владении казны, были во многом недоступны для местных крестьян. Возвышенные участки рельефа (горки, холмы, кряжи) в силу того, что к ним привязываются и поселения, и сельскохозяйственные угодья, интересуют людей значительно больше, чем низинный рельеф. Из всего многообразия мира флоры в топонимии закрепились прежде всего те номинации, которые имеют практическую ценность для человека, ибо они находили широкое применение в жизни местного населения. Их использовали в народной медицине: *bram* (ракитник), *bos* (береза), *fern* (папоротник), *beos* (полевица) и др. Именно этим обусловлено появление английских топонимов: *Bramhall*, *Bruckhurst*, *Farnham*, *Beeston*. Утилитарная направленность топонимии продиктована, очевидно, производящим характером культуры населения. Сельское хозяйство – основа экономики, и этим определяется во многом взгляд на окружающий мир. Такая же характеристика свойственна топонимии, распространенной на территории других регионов.

Специфика топонимии Зауралья состоит в том, что она значительно более образна, в ней ощущается персонификация реалий окружающей природы, в ней сильны мифологические представления. В этом отражается отношение к миру, к природе в условиях промысловой культуры, значительные элементы которой до сих пор сохраняются, а в недавнем прошлом были преобладающими. На протяжении почти четырехсотлетнего изучения западно-сибирского региона и формирования его населения главными задачами были анализ этносовета и мест расселения, социальное положение, род занятий, быт, общие особенности языка, фольклора, положительное воздействие русского участия в освоении региона.

Отличительным особенностям топонимообразования в языках ханты, манси и коми зырян в сопоставлении с русским языком посвящены исследования Н.К. Фролова [Фролов 1996: 113]. По морфемному строению угро-финские названия традиционно делятся на простые (однокоренные), сложные (из двух и более корней) и составные (из двух и более слов). Простые топонимы, представляющие собой однокорневую морфему или сочетание корневой и аффиксальной морфем, достаточно легко усваиваются русской языковой средой, например: *Еган, р.*, *Эмтор, оз.*; *Янга, б.*

Сложные топонимы являются наиболее продуктивными образованиями в языках-источниках. Основной смысл названия определяется препозитивным компонентом, отражающим связь названия с окружающей фауной и флорой, например: *р. Лозьшор* (синий ручей), *оз. Съозты* (черное озеро), *оз. Кузьты* (длинное озеро), *оз. Яраньты* (ненецкое озеро). Трёхкомпонентные модели имеют место в случаях использования двух определений с одним детерминативом, например: *р. Эльтыель* (Алексеев озерный ручей), *р. Сораньсойтор* (около зырянского моста речка).

В процессе русской адаптации сложно-составные названия часто подвергаются усечениям в конце или середине слова. Ср.: *д. Ахман-Ахт* – *манья*, *р. Чия-Чия-ю*, *р. Егор-еган-Ехарзан-ехан*, *оз. Пильтанкор-Пильтан-еган-туй-лор*.

Классификация топонимов по семантике исходных апеллятивов даёт возможность установить состав лексики, служащей базой топонимии, определить тематические группы названий и тем самым выявить закономерности номинации. Результаты семантического описания топонимии являются одним из показателей социально-экономического фактора развития региона, его природных ресурсов, духовной культуры коренного населения. Собственно лингвистический аспект семантического анализа важен для этимологической

интерпретации топонимов, где проявляются общие закономерности формирования угро-финской ономастической системы.

Современный этап исследований Сибири отличается научным подходом к всестороннему объяснению общественных явлений в их эволюции. Дифференцированные пути географического, историко-этнографического и филологического аспектов изучения проблемы, возросла роль языковедческого фактора, о чем свидетельствует появление большего числа лингвистических работ, среди которых выделяются и собственно топонимические, где описаны лингвистические интерпретации топонимики в плане народного этимологизирования названий в прошлом [Серебренников 1970: 451].

Русское освоение Зауралья, начавшееся после XII в., нашло известное отражение в научных изысканиях по проблемам восточной русской экспансии, этнической истории и контактов русского и коренного населения [Ромбандеева 1966: 343]. В последнее время обострился интерес к вопросам региональной топонимии. Среди проблем исторического формирования системы русской топонимии в Сибири первостепенной является задача обнаружения источников лексической базы топонимии. Основной целью ономастического исследования, по мнению А.А. Белецкого, является задача культурно-исторического, лингвистического и хронологического описания [Белецкий 1972: 12]. Более поздним слоем в топонимии Западной Сибири, как справедливо отмечает И.А. Воробьева, является русская топонимия, отличающаяся от русской топонимии Центрального региона России спецификой хронологизации и пространственного размещения пластов [Воробьева 1977: 5]. Система русской топонимии Зауралья за четыре столетия своей эволюции обнаруживает аспекты собственной стратиграфии. Однако основные её тенденции нельзя рассматривать изолированно от общерусской топонимики, несомненна их генетическая связь.

Таким образом, состав русского населения предопределил особенности формирования русской топонимической системы Сибири: во-первых, за счет усвоения пришельцами географических названий аборигенного населения, во-вторых, путём переноса названий из европейской части России, в-третьих, за счет постоянно возникавших новых названий, в-четвёртых, за счет развития эндемических процессов на основе контаминации многих диалектов и языков старожильческого говора. Следствием всего этого явилось создание региональной русской топонимической системы Зауралья, отличающейся лексическим многообразием и спецификой формообразования.

Литература

- Белецкий А.И. Лексикология и теория языкознания. Киев: КГУ, 1972. С. 12-17.
Воробьева И.А. Топонимика Западной Сибири. Томск: ТГУ, 1977. С. 5-47.
Матвеев А.К. Этимологизация субстратных топонимов и апеллятивные заимствования // Этимология. М.: Наука, 1973. С. 332.
Ромбандеева Е.И. Мансийский язык // Языки народов СССР. Т. 3. М.: Наука, 1966. С. 343-362.
Серебренников Б.А. Территориальная и социальная дифференциация языка // Общее языкознание. М.: Наука, 1970. С. 451.
Фролов Н.К. Семантика и морфемика русской топонимии Тюменского Приобья. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1996. С. 113-160.